

Оригинал здесь - http://www.russianresources.lt/archive/Cirikov/Cirikov_3.html

I

Начало литературной деятельности Евгения Николаевича Чирикова восходит ко второй половине 80-х годов и протекает в более или менее глухой провинции. Оба эти момента находят отражение в первоначальном творчестве Чирикова: оно почти целиком посвящено изображению русского провинциального человека, и в психологии последнего мы без труда обнаруживаем признаки определенной эпохи, осложняющие (по большей части подчеркивая и усиливая их), так сказать, вневременные черты быта провинциального жителя. Гнетущая реакция 80-х годов была сугубо тяжела и беспросветна в провинции, с ее почти полным отсутствием умственных запросов или возможностей удовлетворения последних, с ее беспорывностью и способностью сносить без протеста всякий ущерб, наносимый правам человека и его личному достоинству, с грубыми и жестокими формами, в какие здесь отливается несправедливость и неблагородство. С особенной наглядностью все темные стороны провинциального быта проявляются на "интеллигенте", у которого в прошлом все-таки есть какая-то, хотя и очень слабая, полоска более разумного, светлого и праведного существования - студенческие годы, мечты юности и молодости, - для которого погружение в тину провинциального прозябания является чем-то в роде измены прошлому, своей чистоте, своему достоинству.

К этому провинциальному человеку (т. е. к нему преимущественно) Чириков подошел с определенным мировоззрением, которое, разумеется, помогло ему разобраться в мглистой толще провинциальной психологии и провинциального быта. Его писательские цели всегда ясны, ибо он изображает не только из художнической потребности, но также и главным образом из чисто публицистических побуждений: обличать зло. Он принадлежит к разряду писателей - популяризаторов, которые заботятся не столько о глубине и законченности своих образов и которых в жизни привлекает не то, что ново и еще не исследовано, но которые стремятся более или менее готовым жизненным обобщениям придать наиболее наглядный и доступный характер. Вот почему Чириков особенно часто останавливается в своих изображениях на фигурах и положениях известных, на мотивах знакомых, на формулах, созданных до него. Его произведения ничего или почти ничего не дадут для познания, но их популяризаторское значение - несомненно.

II

Из таких, хорошо знакомых, мотивов на первом месте, по уделяемому Чириковым вниманию, надобно поставить мотив засасывающего и обезличивающего влияния провинции. Очень редки произведения Чирикова, где не упоминалось бы о таком влиянии, а ряд рассказов целиком посвящен изображению этого процесса ("Роман в клетке", "Фауст", "В лощине меж гор", "Капитуляция", "Gaudeamus igitur" и т. д.). Схема повествования в них также обычно повторяется: герои представлены с мыслями уже выветрившимися, с чувствами угасшими. В редкие минуты они вспоминают о былых своих увлечениях и юношеских грезах, чаще всего эти воспоминания им подсказывают со стороны, либо свежие пришельцы, либо (излюбленный образ у Чирикова) женщина, в которой еще сохранились искры живого духа, увлеченная в прошлом теми самыми мечтами своего возлюбленного, которые теперь он предал забвению или даже осмеянию...

Чириков предпочитает изображению самого процесса угасания духа сопоставление двух моментов: воспоминания о прошлом, до начала процесса, с настоящим, когда процесс уже закончен. В прошлом "жизнь казалась такой большой, с беспредельными горизонтами, окутанными манящим сизым туманом, такой интересной своим бесконечным разнообразием и такой загадочной и непонятной; когда казалось, что самое важное и желанное впереди... когда душа смутно тревожилась ожиданием какого-то счастья, быть может, счастья торжествующей любви". Но жизнь не оправдала светлых надежд: "Горизонты кончаются лавкой в доме противоположной стороны и обвешаны поэзией поваренной книги... Все живут изо дня в день, скушают, сплетничают, говорят о квартирах и о местах, играют в карты, родят детей и